

Библиотека Анархизма
Антикопирайт и инфоанархизм

Феминизм здесь и сейчас: каким ему быть?

AnFem

25 августа 2019 года

Об этом мы поговорили с Мадиной Тлостановой, доктором филологических наук, профессором постколониального феминизма в Швеции (Linköping University)

Как бы Вы определили задачи современного феминизма в России сегодня? Что, на Ваш взгляд, является здесь основным?

— Очень сложный вопрос. На самом деле очень много задач, и они все взаимосвязаны. И поскольку объективно говоря, ситуация сгущается, то сегодня речь идёт о каких-то очень элементарных задачах. Скажем, отвоёвывать правовое пространство и не давать ему съёживаться, сегодня даже это — очень важная задача. Потому что можно, конечно, вести теоретические споры между разными фракциями, но пока мы все в ситуации, когда это вообще всё может кончиться откровенной реакцией, есть основополагающие вопросы.

Например, основные права должны быть не то что сохранены (потому что нельзя сказать, что они сейчас рабо-

AnFem
Феминизм здесь и сейчас: каким ему быть?
25 августа 2019 года

vk.com

ru.anarchistlibraries.net

тают). Для меня это действует на всех уровнях: и на уровне элементарных прав — у нас до сих пор не ратифицирован закон против насилия, за него по-прежнему идёт борьба. Кстати, эта проблема есть во многих европейских странах.

Недавно у меня писала об этом работу магистрантка из Литвы. Так вот, в Литве тоже не ратифицирован этот закон. Она очень интересно анализирует, как в парламенте проходят дискуссии на эту тему. Казалось бы, это страна с европейской идентичностью, которая претендует быть частью Европейского союза, и тем не менее, консервативная волна у них так же сильна, и они тоже не ратифицировали этот закон. Из Прибалтийских государств только Эстония это сделала. Остальные нет. Уже не говоря о России.

Мы видим все эти чудовищные вещи, которые происходят сейчас вокруг: и с сёстрами Хачатурян, и с женщиной, которой отрубили руки — какие-то жуткие истории. Когда такое существует, сложно спорить по поводу разных ветвей феминизма. Я думаю, что сначала надо заняться отвоёвыванием основных прав: права на жизнь, на безопасность, на равную оплату труда, на доступ к образованию — то есть каких-то совершенно элементарных прав, которых в реальности всё равно не наблюдается.

Многое, к сожалению, осталось от **советского наследия, которое имело фасад и изнанку**. То есть мы понимаем, что в советское время существовали какие-то якобы женщины, которые играли роль крокодила Гены, который работал крокодилом в зоопарке, сам себя презентируя — в парламентах или ещё где-то. Но на самом деле они никогда не имели доступа к принятию решений. Всё это продолжается и сегодня: все эти стеклянные потолки, и особенно в интеллектуальной среде, где женщина часто очень ограничена в том, что она может, и что ей позволено делать.

Шива выступает за самоценность всех биологических видов, народов и культур, за принцип максимального прямого демократического участия, за необходимость сохранения и поддержания разнообразия в природе и в культуре, акцент на естественном праве всех существ на поддержание жизни, которое включает право на продовольствие, на воду, на безопасную и чистую среду обитания. Она защищает живые экономики и живые культуры, которые связаны с местными экономиками и культурами, питающимися уважением к достоинству всего живого. Живые экономики основываются на творчестве людей, в какой-то мере воспроизводя разнообразие, самоорганизацию и сложность природы.

появилось новое поколение постсоветских феминизмов, гораздо более подкованное и самостоятельное в своих суждениях. За ним и будущее.

Что Вы думаете об анархо-феминизме?

Хотя есть целый ряд феминисток, которые осознанно выступали и выступают в анархо- или даже анархопарадигме, мне представляется, что на сегодняшний день практически любой радикальный феминизм, выступающий за отмену *status quo* и против сотрудничества с государственными или корпоративными структурами, является по сути анархистским. **Как деколониалистке мне безусловно ближе коммунитарные формы анархофеминизма.**

В прошлом, это испанские и итальянские анархофеминистки 30–40х гг. XX века, с их проектами женской экономики кооперативов и т.д. (Леда Рафанелли, Регина де Ламо и др.) Среди современных, продолжающих ту же линию, но уже с учетом феминизма коренных народов и их политических и экономических моделей — это **коммунитарные феминистки Боливии Mujeres Creando Comunidad**, в основном относящиеся к коренному народу айамара (Хулиета Паредес Карвахаль); это конечно же **сапатистки** в Мексике с их особым пониманием власти, демократии, паритетных (а не равных) гендерных отношений.

Из западного либертиаризма мне близка пожалуй, только одна фигура — австралийка **Жермен Грир**, перевернувшая вторую волну феминизма своей книгой 1970 года «Женщина-евнух». Сегодня она повернулась в сторону экологического феминизма. Кстати, последний тоже, как мне кажется, целиком анархичен. И здесь мне снова ближе незападные его формы, и прежде всего индийская эко- и анархо-феминистка **Вандана Шива** и ее движение навданья (буквально, «девять семян», олицетворяющих продовольственную суверенность и безопасность Индии).

Какие ошибки и ловушки западного феминизма следует учесть феминизму в постсоветском мире? А чему, наоборот, поучиться и что взять на вооружение?

На мой взгляд, западный феминизм давно перестал существовать как целое, если вообще когда-то существовал. Он распался на такое огромное количество все более партикулярных повесток, что собрать его вместе практически невозможно, разве что от противного, от его общих негативных черт, связанных со старой болезнью претензий на универсализм, на то, чтобы выдать свою позицию за общечеловеческую или, в данном случае, общеженскую, которой в принципе быть не может. За это его справедливо и давно критикуют, но ситуация не меняется, потому что мы существуем по-прежнему в модерной эпистемологии и онтологии, где подобные подходы натурализованы.

Осознавая эту проблему собственной нецелостности и утраты предмета, белый европейский и американский феминизм, как правило, исповедующий *status quo*, уже давно и успешно заимствует понятия и категории в феминизме незападном, чаще всего присваивая их, искажая и деполитизируя.

Так случилось с интерсекциональностью, так происходит сейчас с деколониальностью. Вот это даже не ошибка, а сознательная уловка, которой пользуются, надо сказать, и многие постсоциалистические феминистки, например, в Восточной Европе, присваивающие постколониальный дискурс, вымывая при этом из него расу.

Думаю, что в постсоветском пространстве стоит попытаться осознанно избегать подобных проявлений властных асимметрий в сфере производства знания и вместо этого обратиться к другим моделям взаимодействия, более горизонтальным и трансверсальным.

На мой взгляд, не стоит копировать или заимствовать инструменты западного феминизма, его понятия, его методологии, как это было принято до сих пор. Нужно создавать свои, но при этом, не изобретая велосипед, а осознавая в полной мере контекст и находясь в диалоге с другими моделями. Это сложно, но возможно.

Внутри аморфного поля западного феминизма подобное свойственно скорее радикальным формам, выступающим за ниспровержение или хотя бы проблематизацию status quo, например, анарофеминизму.

И вот этот опыт вполне может и должен быть учтен постсоветским феминизмом, который, конечно же, тоже, как мы говорили выше, крайне неоднороден и разнообразен в своих повестках.

Другая ветвь западного феминизма, которая может оказаться полезной нам, поскольку она касается неких глобальных вызовов, актуальных для всех людей, это феминистский критический постгуманизм, особенно в варианте **Д. Харрауэй**. При всем моем скепсисе по отношению к западному феминизму вообще, траектория Харауэй от манифеста киборгов через сообщество с видами-компаньонами к сегодняшнему «ктулуцену» как альтернативе антропоцену, мне весьма симпатична.

Как бы Вы определили продуктивные стратегии для феминизма в постсоветском мире исходя из антитезы политика-политическое?

Политика не только в постсоветском мире, но увы, во все мире сегодня, утратила смысл, утратила свой предмет. Политические институты, организации, партии — все это феномены, оставшиеся в веке прошлом, в принципе не способные даже понять сложностные динамические вза-

имосвязанные вызовы настоящего. Сотрудничать с официальными организациями, НПО, тем более государственными структурами, якобы занимающимися гендерными вопросами, на мой взгляд, бессмысленно.

Политическое ушло из политики, а экономика заняла в ней главное место, причем в очень специфическом, узком и искаженном понимании. И мы должны искать пути воображения политического заново, на иных основаниях, причем начиная с самих себя, со своей частной жизни и самоощущения в ней, затем, с уровня сообществ, групп, событий разного рода, где и должно (воз)родиться политическое в процессе обсуждения, в ходе деятельности.

Конечно, говорить об этом легче, чем осуществить. И я это прекрасно понимаю. Однако в сегодняшних условиях отката к правым позициям, легитимации консерватизма, традиционализма, узаконивания постоянного чрезвычайного положения и наступления на все права и свободы, вместо того чтобы просто опускать руки или наоборот, бросаться на амбразуру, стоит видимо продолжать вести борьбу, обучение, обсуждение на микроуровне, в виртуальном пространстве, в тех же самых коллективных событиях, которые медленно, но верно изменяют сознание все большего числа людей.

Такие пограничные пространства, фиссуры, расщелины на гладкой поверхности официального дискурса мы должны создавать сами, тем самым подрывая и расшатывая его изнутри, обнажая его искусственность и, в конечном счете, уязвимость. Мне кажется, что это уже происходит. Я сравниваю ситуацию 10 лет назад и теперь и вижу, что